

Глава 5

Неужели и его общение с Жун Цзю — тоже следствие баффа «всеобщей любви»? Если так, то Цзинчжэ стало ещё более совестно.

«Можно ли устранить эти последствия?»

[Это наказание. Устранить его невозможно.]

Цзинчжэ вздохнул. Эти два баффа, казалось бы, причиняли неудобства другим, но на самом деле больше всего влияли на него самого. Иначе какое же это наказание?

Особенно эти последствия...

Будь Цзинчжэ более мнительным, он бы уже извёлся, сомневаясь, настоящая ли их дружба с Жун Цзю или лишь результат колдовства.

Но Жун Цзю, по крайней мере, был лучше, чем те, из дворца Чэнхуань.

Их реакция была куда более бурной. Попадись он им, от него бы и мокрого места не осталось. А Жун Цзю, с его самообладанием и холодностью, быстро справился с наваждением, что обнадёживало.

— Как мне от тебя избавиться? — устало спросил Цзинчжэ. — Я не стану помогать принцу Жую. Мы с ним враги.

Система замолчала.

Носитель — враг объекта задания и отказывается его выполнять. Такого прецедента ещё не было.

Но и ошибочная привязка тоже случилась впервые.

Видя, что система молчит, Цзинчжэ раздражённо потёр лоб.

— Зачем тебе помогать принцу Жую? Он что, будет хорошим императором?

Иначе с чего бы такой подарок с небес?

[Через несколько лет император Цзинъюань тяжело заболел и на смертном одре подождёт

себя, забрав с собой всех взрослых принцев, находившихся во дворце. Выживет лишь семилетний наследник. После его восшествия на престол, не имея ни власти, ни поддержки, он не сможет справиться с борьбой за власть при дворе. Затем последует вторжение цянов с юга, и тридцатилетняя война приведёт к распаду империи.]

[Система — это воплощение предсмертного сожаления последнего императора.]

[Принц Жуй — самый подходящий кандидат среди всех взрослых принцев по статусу, положению и способностям.]

Цзинчжэ побледнел. Ресницы его дрогнули, и он откинулся на изголовье кровати.

Через несколько лет Цзинъюань умрёт? И другие принцы тоже?

Распад страны, война? Воплощение сожаления? Так это же призрак!

Холодок пробежал по его спине. Ему ещё сильнее захотелось, чтобы оно убралось.

Всё это было слишком серьёзно, чтобы игнорировать.

Он сжал губы, нахмурившись.

— Если я правильно понял, не обязательно, чтобы на трон взошёл именно принц Жуй. Главное — предотвратить распад империи, так?

Цзинчжэ был умён. Иначе он не смог бы так долго скрывать свою тайну и выживать во дворце.

Последняя фраза системы указала на причину её выбора.

[Да.] — не стала скрывать система.

— Тогда почему не Цзинъюань? — спросил Цзинчжэ. — Если я смогу предупредить его о болезни, возможно, он не станет поджигать себя, и ничего не случится.

Он не знал императора и не мог судить, способен ли тот на такое. Но слова системы пугали.

Цзинъюань унаследовал трон от своего отца, и, хотя в стране не было полного процветания, правление его было спокойным, без голода и восстаний. И хотя за границей было беспокойно, никто не осмеливался нападать, пока при дворе был порядок.

Решить эту проблему в одиночку Цзинчжэ не мог.

Но предупредить Цзинъюаня было, пожалуй, хоть немного, но реальнее, чем возвести на трон принца Жуя.

[Цзинъюаню всё равно.] — ответила система. [Поэтому это бесполезно.]

Сердце Цзинчжэ ухнуло в пропасть.

— Ты хочешь сказать, он сделает это намеренно?

[Система знает лишь объективные факты, а не субъективные мотивы. Но Цзинъюаню действительно всё равно.]

Цзинчжэ нахмурился. Не успел он распутать этот клубок мыслей, как голос системы прозвучал снова.

[Задание 3: Предотвратить смерть Цайжэнь Яо.]

Цзинчжэ широко раскрыл глаза. Цайжэнь Яо?

«Та, что живёт в Северных покоях?»

[Да.]

Именно так, в Северных покоях жила одна Цайжэнь Яо.

В дворце Чэнхуань слышались лёгкие шаги. Снег шуршал под ногами, оставляя цепочку следов. Только что расчищенная дорожка снова покрывалась белым покрывалом.

Вернувшаяся с поручения Цю И выглядела расстроенной.

Служанка второго ранга Цяолань поспешила ей навстречу.

— Сестра Цю И, вы, должно быть, замёрзли? Проходите скорее, согрейтесь.

Цяолань была мастерицей льстивых речей и благодаря своему сладкому языку часто получала

выгоду. Но сегодня Цю И было не до неё. Она отстранила её руку и прошла внутрь.

Цяолань, униженная, покраснела от злости.

Другая служанка, Чэнлань, хмыкнула.

— Некоторые на всё готовы ради милости, не зная своего места. Как неприятно. — Она сказала это быстро и тихо и тут же вернулась к работе, не обращая внимания на гневный взгляд Цяолань.

— У неё злобный характер. Зачем ты её злишь? Она же потом тебе отомстит.

— А если не злить, не отомстит? — скривилась Чэнлань. — Забыла, какое у неё было лицо, когда сестра Цю И сегодня взяла с собой двух других, а не её?

Синьлань, вспомнив поведение Цяолань, тоже покачала головой.

— Но у сестры Цю И и вправду вид неважный, — прошептала она. — Обычно она самая добрая из старших служанок.

А Цю И, предмет их обсуждения, уже вошла во внутренние покои и предстала перед Бинь Сюй.

В покоях было тепло, как весной. Бинь Сюй, женщина лет двадцати с небольшим, с яркой и величавой красотой, полулежала на мягкой кушетке и читала. Рядом на столике стояли редкие для зимы фрукты.

— Я вернулась, госпожа, — поклонилась Цю И.

Бинь Сюй отложила книгу и подозвала её.

— Что с лицом, милая? Кто тебя напугал?

Цю И и две другие старшие служанки не удивлялись. Бинь Сюй, несмотря на свою статную внешность, всегда говорила с ними ласково и нежно.

— Госпожа, по вашему приказу я разносила подарки другим господам...

Цю И подробно рассказала о сегодняшних событиях.

Отправляя её с подарками, Бинь Сюй преследовала и другую цель.

Цайжэнь Лю, недавно казнённая, жила во флигеле дворца Юннин. В главных покоях жила Фэй Кан, женщина мягкого нрава, редко выходившая в свет и не имевшая влияния на Цайжэнь Лю.

— Я была во дворце Юннин. Фэй Кан выглядела бледной, видимо, напугана смертью Цайжэнь Лю. Когда я выходила, то видела, как люди из хозяйственного управления убирают флигель... Вся прислуга исчезла.

Голос Цю И стал тише. Цайжэнь Лю умерла лишь вчера, а её вещи уже выносили. Поразительная скорость.

Но и это было не всё. Из-за проступка Цайжэнь Лю погибли и все её слуги.

— Его Величество поистине безжалостен, — прошептала Чуньянь.

Тело Цайжэнь Лю отправили обратно принцу Хуайнаньскому, не удостоив даже скромных похорон. Погибли и её слуги. Что это — жестокость или хладнокровие?

— Цайжэнь Лю сама напросилась! — холодно бросила Бинь Сюй, сверкнув глазами. — Если не научишься держать язык за зубами, можешь убираться из дворца.

Чуньянь в страхе упала на колени.

— Простите, госпожа, я ошиблась.

Бинь Сюй потёрла лоб. Она помнила миловидную Цайжэнь Лю. С такой внешностью неудивительно, что она стала фавориткой. Но она была слишком молода и глупа. Вознесённая до небес, она возомнила себя богиней.

...А в этом дворце были дела поважнее.

На этот раз Цайжэнь Лю просто стала мишенью.

Бинь Сюй опустила глаза.

— Что ещё? Говори всё.

— Во дворец Юннин приходили две или три делегации, все... потом я вышла... — Она вкратце пересказала события дня. — Но на обратном пути я столкнулась с людьми из Северных покоев.

— Ты хочешь сказать, люди из Северных покоев тоже пытались разузнать о деле Цайжэнь Лю?
— удивилась Бинь Сюй.

В Северных покоях жили наложницы покойного императора, но ни одной из наложниц Цзинъюаня там не было. С его жестоким нравом, провинившаяся наложница разделила бы участь Цайжэнь Лю, а не была бы сослана.

— Именно так, — поклонилась Цю И. — Сначала тот евнух вёл себя дерзко, и я приказала его наказать. Но потом появилась другая служанка. Она не решалась подойти и дождалась, пока мы уйдём.

Цю И тогда почувствовала, что за ними наблюдают. Сделав вид, что уходит, она вернулась и увидела, как Хэ Е подходит к Чаншоу, и как они уходят вместе.

Заинтересовавшись, она разузнала и выяснила, что Хэ Е приходила со стороны дворца Юннин.

— Зачем людям из Северных покоев интересоваться Цайжэнь Лю? — пробормотала Бинь Сюй.
— Да и вообще, Цайжэнь Лю мертва, но почему сменили и управляющего Императорской кухни?

Цянь Цинь был как рыба в воде на своей должности. Хоть и не слишком влиятельный, но умел находить со всеми общий язык. И в этот раз он выполнил все капризы Цайжэнь Лю, не выходя за рамки дозволенного.

Почему Цзинъюань убил и его?

Бинь Сюй не находила ответа и решила больше не думать об этом.

Она с улыбкой откинулась на подушки.

— Сегодня многие хотят быть богomoлами, но есть и те, кто хочет быть иволгой. А я побуду богomoлом и посмотрю, что сделает иволга.

Цю И замерла, но тут же всё поняла.

Бинь Сюй отправила её сегодня не только для сбора сведений, но и в качестве приманки, чтобы посмотреть на реакцию других.

И странное поведение людей из Северных покоев наверняка заметили не только они.

Закончив доклад, Цю И получила награду и вышла.

Рядом с Бинь Сюй обычно оставались Чуньянь и Ся Хэ.

Ся Хэ была проворной, а Чуньянь — служанкой, которую Бинь Сюй привезла с собой. Хотя она и бывала некстати, госпожа относилась к ней снисходительно, и другие с ней не спорили.

Цю И была рассудительной и представительной, поэтому Бинь Сюй часто посылала её с поручениями.

— Сестра Цю И, мы пойдём в Северные покои? — подбежала к ней служанка по имени Шаньянь, недовольно надув губы.

Цю И легонько стукнула её по лбу.

— Глупости не говори. Мы выходим только по делу. Зачем нам в Северные Покои?

— Но тот евнух сказал, что там нет никого похожего, а ведь он есть! Сестра Цю И даже проявила доброту, указав ему на это, почему же мы не можем его найти? — недовольно проговорила Шаньянь.

При этих словах сердце Цю И забилось быстрее.

Она вспомнила тот день.

Госпожа захотела редкое лакомство. Обычно такие поручения её не касались, но Цю И, боясь ошибки, пошла проследить сама. И по дороге встретила того молодого евнуха.

Он шёл, опустив голову, но почему-то привлёк её внимание, и она невольно подошла.

То, что случилось потом, до сих пор вызывало у неё стыд и лёгкое разочарование.

...Если бы она тогда схватила его и всё выяснила.

Она подавила вздох и спокойно сказала:

— Не думай об этом. Если человек не хочет, зачем его заставлять?

Но Шаньянь не унималась.

— Тогда зачем вы приказали его избить? Я думала, вы разозлились, что он не хочет говорить.

Цю И стукнула её сильнее.

— Язык придержи! Я наказала его за то, что он пялился, куда не следует.

Он смотрел ей прямо на грудь, и это было отвратительно.

— И то верно.

Шаньлань, хоть и была заинтригована, но по-детски быстро остыла. Не нашли, и ладно.

Странно, но в тот день при виде него сердце бешено колотилось, хотелось схватить его. А теперь, со временем, та страсть улеглась.

Отослав Шаньлань, Цю И сбросила маску доброты.

Она чувствовала то же, что и Шаньлань. Со временем пыл угас. Иначе она бы уже давно отправилась в Северные покои, а не спросила бы мимоходом сегодня.

Но она остановила Шаньлань по другой причине.

Та погоня по дворцу была безрассудством. Вернувшись, Цю И долго не могла прийти в себя от страха.

А сегодня то леденящее чувство вернулось, словно предупреждение.

Лучше не навлекать на себя беду.

Все эти мелкие события стекались ручейками и в итоге превращались в стопку донесений на столе во дворце Цяньмин.

Одна стопка, другая.

Пока чья-то рука не взяла верхний доклад.

Нин Хунжу почтительно стоял позади, согнувшись, как старик.

— Ваше Величество, всё убрано. Завтра принц Хуайнаньский непременно получит свой подарок.

Хотя он и не знал, почему Цзинъюань был так жесток, но тому, кто служит рядом с императором, и не нужно много знать. Главное — исполнять его волю.

— Что ещё? — голос Цзинъюаня был холодным, пробирающим до костей.

— Вдовствующая императрица просит вас прийти, чтобы обсудить назначение новой императрицы.

— Не приму.

Нин Хунжу снова поклонился.

Он догадывался, что в последнее время все мысли Цзинъюаня были заняты делами при дворе, а остатки внимания — Северными покоями.

Вот только... чем тот несчастный умудрился прогневать этого дьявола?

Ветер выл, и в захудалых Северных покоях было особенно холодно.

Цзинчжэ стоял у двери и несколько раз чихнул.

— Это тебя матушка Мин так умотала? — спросил Минъюй.

Цзинчжэ тут же зажал ему рот. Они же стояли прямо у её двери.

В последние дни Чаншоу, получив взбучку, притих и даже перестал болтать глупости.

Все этому только радовались.

А вот матушка Мин заболела.

Обнаружила это Хэ Е.

Она была самой преданной служанкой матушки Мин и почти не отходила от неё, пренебрегая даже своими обязанностями у господ.

Три дня назад, придя утром, чтобы помочь матушке Мин одеться, она нашла её в беспамятстве,

горящей в лихорадке.

Хэ Е в панике бросилась к Цзинчжэ.

По правилам, больного слугу следовало вынести. Если бы о болезни матушки Мин доложили, её бы ждала та же участь. Хоть она и была одной из старших в Северных покоях, но не настолько важной персоной, чтобы к ней звать лекаря.

В тот день Хэ Е, рыдая, вцепилась в одежду Цзинчжэ, умоляя его помочь.

Ую впервые видел Цзинчжэ таким напуганным. Не будь ситуация такой серьёзной, он бы рассмеялся.

Миньюй помог оттащить Хэ Е.

— Сестра Хэ Е, даже если ты хочешь, чтобы Цзинчжэ помог, не стоит так делать. Ты же знаешь, его познания в медицине — капля в море, как он может вылечить матушку Мин?

Тогда, с Чэнь Миндэ, было иначе. Он был в сознании, сам принял решение и даже отдал свои сбережения, чтобы побороться за жизнь.

А матушка Мин?

Она без сознания, не может говорить, к тому же подставила Цзинчжэ. Денег у неё тоже нет. Даже если у Цзинчжэ и был способ, неужели он должен был платить за её лечение из своего кармана? А если бы она умерла, кто бы взял на себя вину?

Чэнь Миндэ тогда сказал, что не будет винить Цзинчжэ, что бы ни случилось!

Хэ Е разрыдалась, и на её крики пришёл Саньшунь.

А за ним — и Чэнь Миндэ.

Старый евнух затыкнул свою трубку и вздохнул.

— Цзинчжэ, пойдёшь, посмотри.

Его слова означали, что он берёт ответственность на себя.

Цзинчжэ вздохнул с облегчением. Он не хотел ввязываться, но речь шла о человеческой

жизни.

В глазах других он был евнухом, существом без пола, так что никто не возражал, когда он щупал пульс матушки Мин. Но менять одежду и обтирать её он, конечно, поручил служанкам.

Когда всё было сделано, он успокоил Хэ Е.

— Матушка Мин просто перенервничала, отсюда и жар. Пусть несколько дней ест лёгкую пищу, отдыхает, и всё будет хорошо.

Хэ Е, успокоившись, снова стала высокомерной. Она кивнула, поблагодарила и ушла в комнату.

— Стоило ей успокоиться, и она снова на нас свысока смотрит, — прошептал Ую, когда они вышли.

Хэ Е не любила евнухов, считая их неполноценными. Если бы не крайняя нужда, она бы и близко к их комнате не подошла.

Через несколько дней матушка Мин поправилась, но с постели не вставала, и служанки ухаживали за ней, пренебрегая своими обязанностями у господ.

Цзинчжэ пришлось взять на себя больше работы.

Закончив разговор с Минъюем, он пошёл собирать посуду. Последней была комната Цайжэнь Яо.

Той самой, о которой говорила система.

Цзинчжэ не понимал, почему она должна умереть.

Он наблюдал за ней в последние дни. Она была вполне здорова и, при нормальном питании и отсутствии болезней, могла бы прожить ещё лет десять.

Значит, дело не в здоровье. Кто-то хочет её смерти?

Погружённый в свои мысли, он замедлил шаг. Из комнаты донеслась брань Цайжэнь Яо.

— Собаки безглазые! Видите, что я в немилости, так совсем обленились! Ни чаю подать, ни одежду постирать! Руки-крюки, да чтоб вы сдохли!

Из всех господ в Северных покоях Цайжэнь Яо была самой невыносимой.

Она была злой, сварливой и в гневе не стеснялась в выражениях.

Слуги старались обходить её стороной.

Когда Цзинчжэ вошёл, её лицо немного смягчилось. Он был единственным, к кому она относилась терпимо, ведь он делал ту работу, от которой все отказывались.

Но в плохом настроении и ему доставалось.

— Что вам нужно, госпожа? Скажите, я сделаю, — вздохнул он.

Цайжэнь Яо, женщина лет сорока-пятидесяти, с острыми, злыми чертами лица, сидела, кутаясь в ватник.

— Эти потаскухи! Скажешь им слово — уже недовольны. Были бы такие умелые, не сидели бы в Северных покоях! — не унималась она, сунув Цзинчжэ в руку сушёный фрукт. — Катись, катись отсюда, не мешай.

Цзинчжэ вышел и снова вздохнул.

Цайжэнь Яо была невыносима, но иногда давала ему что-нибудь, что попадалось под руку.

Хоть она и была неприятной, Цзинчжэ не хотел её смерти.

Впервые он решил выполнить задание.

«Ты говоришь, Цайжэнь Яо умрёт. Как?»

[Система не знает.]

Цзинчжэ замер. «А что ты вообще знаешь?»

[Система может лишь выдавать задания. Чем больше заданий выполнит носитель, тем больше возможностей появится у системы.]

Это было взаимовыгодно.

Цзинчжэ нахмурился. Если бы система была привязана к принцу Жую, это было бы идеальное сотрудничество.

Он шагнул в снежную мглу.

Задание или нет, но за жизнь Цайжэнь Яо он решил побороться.

[Желание носителя — закон.] — сказала система. [И это избавит вас от наказания.]

При слове «наказание» лицо Цзинчжэ вытянулось.

Это проклятое, дьявольское наказание... Он не хотел пережить это в третий раз.

Какой же он несчастный

<http://bllate.org/book/16993/1581387>